

**ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛЕТІЕ ЧАСТЬ СССІІ
1895 НОЯБРЬ № 11. С. 57-76.**

**КЪ БЫЛИНЪ 0 СОЛОВЬЪ
БУДИМИРОВИЧЪ.**

Благодаря цѣлому ряду изслѣдованій по русскому эпосу литературная исторія нѣкоторыхъ былинь уяснилась въ значительной степени. Если первоначальныя ихъ основы въ большинствѣ случаевъ еще сокрыты отъ насъ подъ позднейшими слоями, то по крайней мѣрѣ позднѣйшія переработки, болѣе доступныя изслѣдованію, нерѣдко могутъ быть приурочены къ определенному времени — къ періоду отъ XV—XVII вѣковъ—и опредѣленному району Россіи. Роль сѣвернаго края въ сложеніи, переработкахъ, храненіи и распространеніи былинь выступаетъ все ярче и ярче и

широкое участіе скомороховъ во всѣхъ названныхъ дѣйствіяхъ представляется все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Не имѣя въ виду всесторонняго и детальнаго разбора былины о Соловьѣ Будимировичѣ, надъ которой уже не мало поработали наши изслѣдователи — **Ө. И. Буслаевъ, О. Ъ. Миллеръ, А.Н. Веселовскій, М. Г. Халанскій** — я въ нижеслѣдующемъ сдѣлаю о ней лишь нѣкоторыя замѣтки, поводомъ къ которымъ послужили посвященныя ей страницы въ новѣйшемъ трудѣ проф. Халанскаго: «Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведенсями русскаго былеваго эпоса»ⁱ⁾).

Обратимъ вниманіе прежде всего на форму былины. Изъ десяти извѣстныхъ намъ записей ея четыре начинаются запѣвомъ или такъ называемой прибауткой (прибалуткой по олонецкому говору), не имѣющей отношенія къ содержанію былины. Такъ, сказатель Прохоровъ, пѣвши былинку о Соловьѣ Будимировичѣ Рыбникову и затѣмъ Гильфердингу,

предпослалъ ей слѣдующіе стихи,
начинающіеся широкимъ географическимъ
розмахомъ и заканчивающіеся плоской
шуткой:

А мхи были болота въ поморской
стороны,
А гольня щелья въ Бѣли-озери,
А тая эта зябель въ подсиверной
страны,
А с...ы сарафаны по Мощи по
рѣки,
Да рострубисты становицы въ
Каргополи,
Да тутъ темныи лѣсы что
смоленскіе,
А широки врата да чигаринскіе...¹⁾

И затѣмъ уже, послѣ прибаутки, слѣдуетъ
зачинъ:

Изъ подъ дуба, дуба сыраго
Изъ подъ того сподъ камешка
сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга
мать рѣка
и проч.

Въ виду того, что сказитель Прохоровъ, знавшій 10 большихъ былинь, прикрѣпилъ эту прибаутку только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, слѣдуетъ думать, что онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя прибаутку въ этомъ именно прикрѣпленіи, а не прикрѣпилъ ее самъ по своему произволу.

Проверкой этому предположенію служить другая запись той же былины, сдѣланная Рыбниковымъ и Гильфердингомъ со словъ сказителя Потапа Антонова ⁱⁱ⁾ [у Рыбникова онъ названъ Потапомъ Трофимовымъ Потахинымъ]. Въ ней находимъ ту же прибаутку съ нѣкоторыми измѣненіями:

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскову,
Щелья-каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинскія ⁱⁱⁱ⁾.

Сказывая былинѣ Гильфердингу, тотъ же Антоновъ перенесъ прибаутку къ концу ея въ такомъ видѣ ^{iv)}:

Мхи да болота въ Поморской
стороны,

Щелья-каменья Подсѣверной
страны;
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши
по рѣки,

Здуниной Дунай про то дѣло не знай.
Просмотрѣвъ репертуаръ Антонова, мы
убѣждаемся, что прибаутка прикрѣплена
имъ только къ былинѣ о Соловьѣ
Будимировичѣ, а біографическія свѣдѣнія,
сообщенныя о немъ Гильфердингомъ,
объясняютъ, что онъ наслѣдовалъ свой
репертуаръ отъ своего дѣда (умершаго 97
лѣтъ), который въ свою очередь перенялъ
былины отъ профессиональнаго пѣвца —
калики Мины Ефимова. Такимъ образомъ
мы имѣемъ право предположить, что въ
исполненіи профессиональнаго пѣвца
былинѣ о Соловьѣ предпосылалась
прибаутка скоморошьяго характера, и это,
предположеніе снова подтверждается двумя
дальнѣйшими вариантами у Рыбникова (II,
31; III, 33), представляющими ту же
видоизмѣненную прибаутку передъ

зачиномъ былины. Наконецъ въ записи, приписываемой Киршѣ Данилову (№ 1), находимъ также прибаутку, но поэтически-возвышеннаго характера и безъ юмористическаго исхода. Это знаменитое въ нашемъ эпосѣ четырестишіе:

Высота-ли высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе¹).

Такимъ образомъ изъ *десяти* извѣстныхъ намъ записей былины о Соловьѣ Будимировичѣ половина, и притомъ лучшія по качеству, предпосылаютъ ей прибаутку. Она отсутствуетъ въ трехъ вариантахъ Гильфердинга, записанныхъ либо отъ плохихъ сказителей (Гришина, № 36), либо отъ такихъ, которые когда-то хорошо знали былины, но затѣмъ позабыли (Захарова, Суханова, №№ 199, 208). Нѣтъ ея въ плохомъ и сильно скомканномъ вариантѣ Анфима Савинова (у Рыбникова, IV, № 11), и только одинъ, не имѣющій прибаутки, вариантъ у Рыбникова (I, 53)

можетъ быть причисленъ къ хорошимъ. Возможнымъ выводомъ изъ этихъ наблюдений представляется слѣдующій: былина о Соловьѣ Будимировичѣ была снабжена скоморошьей прелюдіей и вмѣстѣ съ нею отъ профессиональных пѣвцовъ-скомороховъ — перешла къ олонецкимъ крестьянамъ.

Современныя записи былины указываютъ на ея принадлежность сѣверному былинному репертуару. Соловей Будимировичъ, какъ пріѣзжій въ Кіевѣ женихъ, неизвѣстенъ нигдѣ въ Россіи помимо Олонецкой губерніи и былъ извѣстенъ въ Западной Сибири въ прошломъ столѣтіи (во времена Кирши Данилова). Если изъ современнаго района извѣстности этого сюжета еще нельзя делать безспорныхъ заключеній о сѣверномъ происхожденіи былины, то все же это обстоятельство имѣетъ нѣкоторый вѣсъ при другихъ доказательствахъ сѣверной родины этого произведенія, если таковыя найдутся. Для послѣдней цѣли обратимъ вниманіе на нѣкотрыя бытовья

черты былины и прежде всего на бросающееся въ глаза ея сходство съ новгородской былиной о Садкѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Соловей Будимировичъ представляется богатымъ мореходомъ, собственникомъ кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами. У него, какъ у Садка, 30 кораблей, изъ которыхъ тотъ, на которомъ онъ ѣдетъ самъ, чудно разукрашенъ.

Единый корабликъ передомъ
бѣжить,
Передомъ бѣжить, какъ соколь
летить;
Высоко его головка призаздынута,
Нось-корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура литовскаго;
На томъ на черленомъ на кораблѣ
Были паруса-флаги крупчатой
камки,
Снасти и кодолы были шелковыя,
Того ли были шелку шемаханскаго,
Якори-то были булатніе,

Булатъ-желѣза Сибирскаго,
Сибирскаго желѣза, Поморскаго.
На томъ ли черленомъ на корабль
Среди корабля стоитъ зеленъ
чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравлений;
Въ томъ ли зеленомъ во чердакъ
Потолокъ обить чернымъ
бархатомъ,
Стѣны покрыты чернымъ сободемъ;
Изнавѣшанъ зеленъ чердакъ
Куницами и лисицами
Печерскими и сибирскими,
Ушистыми и пушистыми¹).

То же описаніе корабля съ большими или меньшими варіаціями въ подробностяхъ находимъ, какъ извѣстно, въ былинахъ о Садкѣ²), причемъ и корабль самого Садка иногда называется Соколомъ, какъ, въ пересказѣ у Кирши Данилова, корабль Соловья Будимировича. Нельзя думать, чтобы фантастически разукрашенный корабль Соловья былъ скопированъ съ корабля Садка или наоборотъ. Корабль съ извѣстными признаками, повидимому, общее мѣсто

(locus communis), старинная эпическая картинка, которая вставлялась въ былины всякій разъ, когда дѣло шло о богатырскомъ кораблѣ. На такомъ же вычурномъ кораблѣ, какъ Соловей и Садко, ѣдетъ Илья Муромецъ въ извѣстной былинѣ³). Но эта эпическая картина была создана и пошла въ ходъ въ такихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ процветало судоходство, гдѣ населенію были хорошо знакомы не только лодки, но большіе суда сложной конструкции. Покойный А. И. Котляревскій видѣлъ въ этомъ эпическомъ описаніи идеализированныя черты скандинавскихъ кораблей, какъ они изображаются въ сагахъ. Допуская возможность вліянія какого-нибудь западнаго образца, все же, нужно думать, что онъ далъ только канву, по которой былъ вышитъ рисунокъ въ русскомъ вкусѣ: на украшеніе корабля пошли пушныя богатства сѣверно-русскаго края — черныя соболи, печерскія лисицы и куницы и хорошо извѣстные на Руси ткани изъ шелковъ щемахинскихъ и хрущатой камки.

Подробности оснастки корабля — мачты, паруса, кодолы, рей, сходни и проч. — указывают на знакомство слагателей эпического описанія съ судоходнымъ дѣломъ, а такое знакомство можетъ указывать на предприимчивыхъ новгородскихъ судохозяевъ и ушкуйниковъ.

Отмѣтимъ другія черты спеціальнаго знакомства съ судоходнымъ дѣломъ въ былинѣ.

Говориль тутъ Соловей таково слово:

«Что вы братцы дружинушка хоробрыи,

А хоробрыя дружинья Соловьёвыи!
Да слушайте-тко большого атамана-то вы,

Да делайте дѣло повелёное:

А взимайте-ко шестики мѣрныи вы,
А миряйте-ко лудья морски-то эты,
А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати»¹⁾

Это щупанье лудъ, то-есть мѣсть, усѣянныхъ подводными камнями, очевидно

бытовая черта сѣвернаго мореходства, опять оказывается въ новгородской былинѣ о Садкѣ, который почти съ тѣми же словами обращается къ своей дружинѣ;

Ай же, дружки-братья
корабельщики!

Берите-ко щупы желѣзныя,

Шупайте въ синемъ морѣ:

Нѣтъ-ли луды или каменя,

Нѣтъ-ли отмели песочныя?"²⁾.

Въ одномъ пересказѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ³⁾ щупанье дна щупалами желѣзными дѣлается между прочимъ для исканія мелкаго сканнаго жемчуга. Можетъ быть, въ основѣ этой картины лежитъ что-нибудь реальное: извѣстно, что въ Россіи перловка жемчугоносная водится въ рѣкахъ губерній Архангельской, Олонецкой, Новгородской и другихъ и что ловля этихъ раковинъ снабжала, и до сихъ поръ снабжаетъ, мелкимъ жемчугомъ уборы сѣверно-русскихъ женщинъ, купчихъ, мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ. Старинные кокошники новгородскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ женщинъ

густо усаживались этимъ мѣстнымъ жемчугомъ.

Продолжая сравненіе былинь о Соловьѣ и Садкѣ, находимъ сходство въ частностяхъ плана и въ личности героя. И здѣсь и тамъ отношеніе героя — торговаго гостя — къ спутникамъ одинаковое, выражающееся въ различныхъ его приказаніяхъ дружинишкѣ: обыкновенно оба обращаются къ ней со словами: «слушайте большаго братца атамана», и значительная часть былины занята приказаніями и исполненіемъ ихъ. Соловей Будимировичъ приказываетъ подымать паруса, щупать луды, смотрѣть въ трубки подзорныя, кидать якори, спускать сходни, строить терема въ саду у Запавы, и каждый разъ «дружинишка хоробрая слушаетъ большаго атамана и дѣлаетъ дѣло повелѣное». Садко велитъ дружинишкѣ скупать всѣ товары въ Новгородѣ, строить корабли и нагружать ихъ товарами, вырезывать и метать въ море жеребья, — и все это немедленно приводится въ исполненіе дружиной. Аналогіи постройки обѣихъ былинь

соотвѣтствуетъ и сходство въ личности обоихъ героевъ: Садко — богатый купецъ, собственникъ кораблей съ дорогими товарами и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный гусярь; Соловей Будимировичъ сходенъ съ нимъ и въ томъ, и въ другомъ. Хотя онъ называется гостемъ торговымъ только въ былинѣ Кирши Данилова, хотя цѣль его прїѣзда въ Кіевъ не торговая, но его корабли наполнены товарами; онъ строитъ (по двумъ былинамъ¹) при теремахъ и *гостинный дворъ*, платитъ товарную пошлину въ таможнѣ со всѣхъ кораблей 7 тысячъ²), и въ той же былинѣ Кирши Данилова по отъѣздѣ Соловья Давидъ Поповъ заявляетъ князю:

«Я-де объ немъ слышаль,
Да и самъ подлинно видѣль въ
городѣ Леденцѣ,
У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье
попаль,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На его-жь царское величество».

Такимъ образомъ прїѣзжій богатый женихъ, подносящій кїевскому князю, княгинѣ и Запавѣ драгоцѣнные подарки со своихъ кораблей: черныхъ соболей, бурнастыхъ лисиць, хрущатую камку съ хитрымъ заморскимъ узоромъ, мисы золота, серебра и жемчуга, благодаря именно этимъ аксессуарамъ, могъ представляться нѣкоторымъ сказителямъ торговымъ гостемъ. Съ другой стороны Соловей является искуснымъ гусяромъ: сходя по сходнѣ золоченой съ корабля, онъ беретъ съ собой свой инструментъ—гуселки яровчатыя³⁾, и когда Забава Путятична, подойдя къ построенному имъ терему, подслушиваетъ, то

Въ томъ терему стучить и гремитъ,
Пѣсни поетъ и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ
Будимировичъ:
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,

А всѣ малые припевки за синя
моря,
За синяго моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того лукоморья зеленаго»¹).

Можетъ быть, *пѣнцы изъ Новагорода*, упоминаемые въ трехъ пересказахъ былины, также одинъ изъ слѣдовъ ея новгородскаго происхожденія, которое мнѣ представляется вѣроятнымъ уже по вышеразсмотрѣннымъ ея аналогіямъ съ *новгородской* былиной о Садкѣ.

Если таково происхожденіе былины въ той версіи, которая дошла до насъ въ 10 вариантахъ, то прикрѣпленіе Соловья Будимировича къ Кіевскому циклу не можетъ быть выдвигаемо въ пользу Кіевскаго происхожденія былины. Приписывать былинѣ такую глубокую древность только потому, что дѣйствіе ея совершается въ Кіевѣ при князѣ Владимирѣ, едва ли возможно. Эпическое прикрѣпленіе къ Кіеву не стерло въ былинѣ чертъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія, и онѣ обнаруживаются даже

въ географическихъ подробностяхъ нѣкоторыхъ пересказовъ. Какъ въ былинахъ о Садкѣ, упоминающихъ Неву и Ладожское озеро, подъ синимъ моремъ, въ которое выѣзжаютъ его корабли, должно разумѣть море ближайшее къ Новгороду—Балтійское, такъ тѣ же мѣста встречаются въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ:

«Исподъ дуба, дуба сыраго,
Исподъ той березы сподъ
накляпины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьемъ выпадала во сине море во
Вирянское.
По синему морю корабли бѣжатъ,
Одинъ то корабликъ изукрашенъ
быль» и проч.²⁾).

Въ другомъ пересказѣ³⁾ тридцать кораблей бѣгутъ по морю Веряйскому, которые, впрочемъ, тутъ же названо также Дунайскимъ. Названсе Вирянское или Веряйское, конечно, позднее искаженсе имени *Варяжское*. По эпической наивности и по малому знанию географси, пѣвецъ

былины не затруднялся путешествіемъ Соловья Будимировича по Варяжскому морю, долженствовавшемъ привезти его въ Кіевъ. Вообще географія былины по отдѣльнымъ пересказамъ крайне путанная и едва ли она была осмысленнѣе въ основной редакціи. Корабли Соловья прибываютъ въ Кіевъ то по Волгѣ¹⁾, то по морю Турецкому²⁾, то по морю Волынскому³⁾ (искаженіе Хвалынскаго), то по какому то неопредѣленному синему морю отъ славнаго города Леденца⁴⁾, то по морю Дунайскому^{v)} (то-есть Черному). Только въ двухъ, и по странной случайности самыхъ плохихъ пересказахъ, у Гильфердинга^{vi)} упоминается Нѣпра, хотя все же нѣтъ ясныхъ представленій о предѣлахъ плаванья Соловья, то-есть откуда онъ выѣзжаетъ и какимъ путемъ попадаетъ въ Кіевъ. Видно, что слагатель, прикрѣпившій мѣсто дѣйствія былины къ Кіеву, имѣлъ смутное понятіе и о теченіи Днепра. Что напр., можно извлечь изъ слѣдующихъ географическихъ указаній

одного изъ обоихъ пересказовъ,
упоминающихъ Нѣпру?

«Ай изъ-за того острова
Кадойлова,

Ай изъ-подъ того вязу съ-подъ
черлёнаго,

Ай изъ-подъ того камешка съ-подъ
бѣлаго,

Изъ-подъ того кустышка
ракитоваго,

А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,

А устьемъ выпадала въ море
Черное,

Въ Черное море во Турецкое.

А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки,

Вылеталь, выѣзжалъ младъ хупавъ
молодецъ (откуда?),

Молодъ Соловей сынъ
Будимировичъ.

Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ
свататься

А за славное онъ за синё море,

Да ко славному городу ко Кіеву

А ко ласкову князю ко Владимиру»
и проч.^{vii}).

Здѣсь Соловей, выѣзжая неизвѣстно откуда по Днѣпру въ Черное море, попадаетъ, не поворачивая назадъ, въ Кіевъ въ полномъ противорѣчїи съ географіей. Такого противорѣчїя нѣтъ въ былинѣ Кириши Данилова, гдѣ корабль Соловья Будимировича пристаесть въ Днѣпръ подъ Кіевомъ, выѣхавъ изъ загадочнаго города Леденца.

Вообще попытки объяснить географическія показанія былины до сихъ поръ не привели ни къ чему маломальски вѣроятному. Имя острова Кодольскаго (или острововъ Кодольскихъ) находится, повидимому, въ связи съ названіемъ *Кодолы* — толстые канаты, которое встрѣчается въ той же былинѣ: *кодольскіе* острова, можетъ быть, такіе, где запасались *кодолами*, и мы напрасно станемъ искать ихъ на картѣ. Попытка проф. Халанскаго объяснить городъ Леденецъ въ связи съ сербскимъ и болгарскимъ эпическимъ Ледяномъ (Леѣан, Леген) градомъ мнѣ не кажется

удовлетворительной. «Происхождение и значение эпического имени Ледяна—Легена—Леденца, говоритъ проф. Халанскій, становится совершенно понятнымъ въ связи съ средне-вѣковымъ германскимъ эпосомъ; въ этомъ послѣднемъ мы находимъ ключъ къ простому и понятному объясненію этого названія: Леѡан—Леденець есть Iǫlant то-есть Ледяной городъ, а первоначально Ледяной островъ или Ледяная земля, страна¹⁾». Такимъ образомъ сербскій и русскій эпический городъ представляетъ результатъ неточнаго перевода названія Исландія. Будто-бы это такъ просто и понятно? Въ пользу своего предположенія проф. Халанскій цитируетъ только одно мѣсто изъ Саксона грамматика, въ которомъ говорится объ Исландіи: *insula quae Glacialis dicitur*. Но изъ того, что Саксонъ грамматикъ въ своей латыни далъ объясненіе имени острова, еще нельзя предполагать, вмѣстѣ съ г. Халанскимъ, что «вѣроятно оно (то-есть Iǫlant) переводилось такимъ образомъ и въ устной

средневѣковой поэзіи германской и славянской». Если подъ средневѣковой германской поэзіей авторъ имѣетъ въ виду пѣснь о Нибелунгахъ, въ которой (авентюры VI—VIII) въ разказѣ о женитьбѣ Гунтера на Брунхильдѣ послѣдняя живетъ въ Islant-ѣ, то здѣсь никакого перевода имени нѣтъ, такъ какъ оно и безъ того понятно и географически и этимологически. Такимъ образомъ, рѣчь можетъ быть только о славянскомъ переводѣ имени Ialant, будто бы проникшаго къ южнымъ славянамъ вмѣстѣ съ сюжетомъ о Гунтерѣ и Брунхильдѣ, отразившимся на пѣсняхъ типа «Женитьба Душана». Но такой славянскій переводъ крайне подозрителенъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) для перевода собственного имени страны столько же мотивовъ, сколько для перевода собственныхъ именъ лицъ. При обработкѣ иностраннаго сюжета слагатели народныхъ эпическихъ пѣсень обыкновенно замѣняютъ чуждыя имена своими родными, вводя сюжетъ въ свой эпическій циклъ, либо подгоняютъ ихъ народной этимологіей

подъ родныя сходныя по звукамъ слова;
2) если бы мы допустили уже сербскій переводъ имени *Islant*, то ожидали бы найти настоящій переводъ, то-есть ли;;;;;;и;;;;дна зимоя или ледена зимоя (ледяная страна), а не странное имя *Леѡан*. Спрашивается, почему страна стала городомъ и притомъ *латинскимъ* (У *Леѡану* граду латинскомѣ), почему далѣе отъ имени *Леѡан* пошло прилагательное *Леѡанско*, прикрѣпляемое въ пѣсняхъ къ какому то полю (Па он оде низ поое *Леѡанско*¹). Все это крайне загадочно. Но нужно еще доказать, что сербскій *Леѡан* имѣетъ отношеніе къ нашему *Леденцу*. Вѣдь имя города *Леденца* встрѣчается только однажды въ нашемъ эпосѣ, только въ вариантѣ былины о *Соловьѣ Будимировичѣ* у *Кирши Данилова*. Въ пересказѣ у *Рыбникова* (II № 31) вмѣсто города *Леденца* находимъ землю *Веденецкую*. «*Леденець* и *Веденецкая* земля, справедливо замѣчаетъ *А. Н. Веселовскій*, несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть

Веденецкое вмѣсто Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (рукопись Е. Барсова): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: «Корлязи, Вендици, Фрягове». Леденець легко бы объяснить искаженіемъ Веденца²)». Это подозрѣніе, на нашъ взглядъ весьма основательное, побуждаетъ насъ воздержаться отъ сближенія нашего Леденца съ южно-славянскимъ Леѡан'—омъ, какъ бы ни объяснялось имя послѣдняго. Не останавливаясь долѣе на географическихъ данныхъ былины о СоловьѢ БудимировичѢ, замѣтимъ въ заключеніе, что они не даютъ никакихъ доказательствъ въ пользу южно-русскаго ея происхожденія.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми признаками былины о СоловьѢ БудимировичѢ, которые указываютъ на ея сѣверное (новгородское) происхожденіе. Посмотримъ теперь, противорѣчатъ ли этому предположенію результаты изслѣдованія ея содержанія и изложенія. Академикъ А. Н. Веселовскій видитъ въ былинѢ разказъ о брачной поѣздкѢ, богато

разукрашенный символикой наших свадебных пѣсенъ. Такъ, Соловей просить отвести ему загонъ земли “непаханой, неораной”, въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орѣшеньѣ; онъ хочетъ вырубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представлено двѣчество — садомъ виноградомъ³⁾; игра жениха на гусяхъ, игра его съ невѣстой въ шахматы — черты символики любви; мѣсяць, солнце, звѣзды въ теремѣ напоминаютъ такой же параллелизмъ колядокъ и т. п. Словомъ, говоритъ А. Н. Веселовскій, брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ — разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символики¹⁾». Усвоивъ этотъ взглядъ, проф. Халанскій развиваетъ его дальше. «Былина о Соловьѣ Будимировичѣ стоитъ въ самой тесной связи съ великорусскими свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ былины, такъ и значеніе отдѣльныхъ частныхъ ея²⁾». Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ

женихъ прѣзжаетъ изъ-за моря, сваты являются купцами-корабельщиками, женихъ—соловьемъ, залетѣвшимъ въ садъ невѣсты или строителемъ терема³⁾); иногда онъ представляется играющимъ на гусяхъ, а невѣста слушающей его игру; иногда невѣста проигрываетъ жениху свою волюшку въ шахматы; иногда женихъ увозитъ суженую на корабль и т. п. Словомъ, по мнѣнію проф. Халанскаго, «связь былины о Соловьѣ Будимировичѣ со свадебной народной поэзіей такъ жива и такъ глубока, что не можетъ, кажется, имѣть мѣста мысль о литературномъ заимствованіи ея сюжета»⁴⁾). Однако дальнѣйшія изслѣдованія проф. Халанскаго заставили его значительно ограничить этотъ взглядъ. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ онъ указываетъ на замѣчательное сходство между былиной и книжной повѣстью о Василии златовласомъ, королевичѣ чешской земли, причемъ предпосылаетъ детальному сравненію слѣдующее замѣчаніе: «большое сходство между этими произведеніями едва-ли, впрочемъ, зависитъ отъ

непосредственнаго вліянія перваго на вторую; по всей вѣроятности, оба восходятъ къ какому-то общему прототипу, заключающемуся въ обширномъ матеріалѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній». Дѣйствительно, сходство и въ общемъ, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ бросается въ глаза⁵).

Отсылая къ подробному сравненію, сдѣланному проф. Халанскимъ, выдвинемъ лишь главныя черты сходства. Королевичъ Василій Прекрасный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиместры, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собой великіе дары и переодѣтый простымъ матросомъ ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу гость Василій) проситъ у короля мѣсто построить дворецъ близъ королевскихъ палатъ; дворецъ его дивно разукрашенъ; Василій королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусяхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее придти къ себѣ во дворецъ. Слѣдуетъ наказанье королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василья, и его

отъѣздъ, хлопоты обезчещенной королевы о прощениі, вторичный прѣѣздъ Василья и свадьба. Сопоставленіе обоихъ произведеній приводитъ проф. Халанскаго къ слѣдующему новому взгляду: «Иностранное происхожденіе основы великорусской былины о Соловьѣ Будимировичѣ, при наличности столь сходной съ ней Повѣсти о Василии Златовласомъ, должно быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ есть, слѣдовательно, передѣлка неизвѣстнаго западнаго сказанія о свадебной поѣздкѣ заморскаго витязя, быть можетъ, царевича («Отъ того-де *царя* вѣдь *заморскаго*»), вариантъ Кирши), прельщающаго невѣсту своей музыкой и великолѣпіемъ обстановки своей жизни¹⁾». Приведенныя же раньше самимъ проф. Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсень къ былинѣ «теперь получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса раздражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскимъ

эпосомъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ»²).

Новое объясненіе проф. Халанскаго и мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Дѣйствительно, я въ своемъ курсѣ по русскому народному эпосу (1892 — 1893 годовъ) уже проводилъ ту мысль, что сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былиной о Соловьѣ Будимировичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самого сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой нибудь сказки. Вѣдь сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добываніи невѣсты. Слагатели свадебныхъ пѣсень, иногда профессиональные пѣвцы, для пріукрашенія, идеализированная бытовая стороны, могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой нибудь королевичъ пріѣзжаетъ

свататься на пышномъ кораблѣ, строить, иногда по требованію отца неvěсты, чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ неvěсту, или женихъ является искуснымъ музыкантомъ, или играетъ въ шахматы, причемъ неvěста является ставкой и т. п. Можно согласиться съ словами проф. Халанскаго (въ первой его книгѣ), что «средства для созданія эпического образа (Соловьѣ Будимировичѣ) были всѣ у себя дома, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи»¹⁾, но эти *домашніе* символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ, отчасти, по крайней мѣрѣ, къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсень, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ, не найдется-ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Въ настоящее время такая сказка указана проф. Халанскимъ въ старинной

передѣланной съ иноземнаго (польскаго?) повѣсти о Василии Златовласомъ, чешскомъ королевичѣ, и остается лишь точнѣе уяснить отношеніе повѣсти къ былинѣ. Проф. Халанскій покуда считаетъ лишь возможнымъ предположить, что обѣ восходятъ къ какому-то общему западному прототипу. Дѣйствительно, пока не выяснено отношеніе Повѣсти къ ея непосредственному оригиналу, еще не найденному²⁾, трудно говорить опредѣлительно, легла-ли именно она въ основу нашей былины, или только нѣкоторыми чертами своими повліяла на переработку былины, которая могла раньше содержать, при родственности сюжета, другія черты, иди, наконецъ, обѣ восходятъ къ одному прототипу. Вѣроятно, впослѣдствіи эти вопросы уяснятся при помощи новыхъ находокъ въ области фольклора, а въ ожиданіи этого я пока могу обратить вниманіе на нѣкоторыя былинные данныя, указывающія на извѣстность Повѣсти о Василии Златовласомъ нашему сѣверному населенію, хранившему былины

и вносившему въ нихъ при ихъ передачѣ нерѣдко черты изъ лубочныхъ сказокъ и рукописныхъ повѣстей. Такъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ отношеніе былиннаго *прекрасног о* царя Василя Окульевича, похитителя Соломоновой жены, къ *прекрасному* Василию Королевичу. Припомнимъ, помимо *некотораго* сходства въ обстановкѣ обоихъ разказовъ, слѣдующія черты Повѣсти. Василий Златовласый королевичъ, когда пришло ему время жениться, «желая сего еже бы ему такову супружницу поняти подобну себѣ красотою и мудростію и начатъ спрашивати купеческихъ людей, которые ѣздятъ по многимъ землямъ и царствомъ и королевствомъ, гдѣ кто знаетъ ему подобну дѣвицу красотой и разумомъ, и нѣкто отъ гостей, именемъ *Василій*», разказываетъ ему о дочери французскаго короля, какъ о дѣвицѣ его вполнѣ достойной. Сравнимъ съ этимъ начало былины о Василии Окульевѣ изъ сборника Ефименка¹). *Прекрасный* царь Василий Окульевичъ на пиру спрашиваетъ, не знаетъ-ли кто изъ

присутствующихъ для него невѣсты его достойной. На его запросъ откликается одинъ молодецъ по прозванію *Василій Пустоволосовичъ* и заявляетъ, что знаетъ для него невесту (жену Соломона). Не странно-ли такое совпаденіе? И въ повѣсти, и въ былинѣ женихъ называется *Василіемъ прекраснѣмъ*, и здѣсь и тамъ на вопросъ жениха даютъ отвѣтъ молодцы также *Василии*. Въ былинѣ второй *Василій* называется почему-то *Пустоволосовичъ*. Не реминисценсія-ли это *Василія Златовласого* съ неудачнымъ перенесеніемъ искаженного признака (волось) на другого *Василія*?

Далѣе въ *Повѣсти* идетъ разказъ о снаряженіи корабля, на которомъ ѣдетъ за невѣстой гость *Василій* и королевичъ *Василій*, первый въ качествѣ начальника, второй — переодѣтый матросомъ, но въ сущности главнымъ распорядителемъ-инкогнито. Въ былинѣ то же снаряженіе корабля для увоза Соломонины, но ѣдетъ одинъ *Василій Пустоволосовичъ*. Въ *Повѣсти* королева *Полиместра* идетъ

заманенная разказомъ о диковинкахъ во дворець Василя Златовласаго; въ былинѣ Василій Пустоволосовичъ заманиваетъ диковинками Соломониду на свой корабль.

Конечно, изъ этихъ аналогій и совпаденій въ нѣкоторыхъ именахъ мы не станемъ выводить, что въ основѣ былины о Василю Окульевичѣ лежитъ Повѣсть о Василю Златовласомъ. Но нужно думать, что при однородности сюжетовъ между ними произошло соприкосновеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые сказители былины при сказываніи ея припоминали смутно нѣкоторыя черты Повѣсти о Василю Златовласомъ и переносили ихъ въ былину. Такъ, на примѣръ, въ болѣе раннихъ версіяхъ былины царь-похититель Соломониды могъ называться иначе и его посоль не назывался Василюемъ, какъ въ вариантѣ Ефименка¹). Но подъ вліяніемъ *Повѣсти*, гдѣ дѣйствуютъ два Василя, царь и посоль одинаково получили (по крайней мѣрѣ въ пересказѣ Арханг. губерніи) это имя. Вѣроятно этимъ же вліяніемъ объясняется, что и былина о

сватовствѣ князя Владимира (былина о Дунаѣ), представляя по своему началу (пиръ, вопросъ князя о достойной его невѣстѣ) нѣкоторое сходство съ былиной о Василии Окульевичѣ, притянула къ себѣ въ нѣкоторыхъ пересказахъ имя Василя. Такъ, въ одномъ вариантѣ у Рыбникова²⁾, Дунай, отправляемый сватомъ къ королю Литовскому, беретъ съ собою *Васился Казимировича*, а послѣдній прихватываетъ еще *Васился паробка заморскаго*. Такимъ образомъ и здѣсь совершенно некстати оказалось *два* Василя, изъ которыхъ второй — заморскій — особенно напоминаетъ гостя Василя *Повѣсти*, который ѣздилъ по многимъ землямъ и царствамъ.

Такого рода слѣды вліянія книжныхъ повѣстей и лубочныхъ сказокъ на отдѣльные пересказы былинь позволяютъ надеяться, что при болѣе детальномъ знакомствѣ съ тѣми рукописными тетрадками, которыя до сихъ поръ ходятъ по рукамъ простонародья въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой,

Вологодской, Вятской, Пермской, Томской) мы получимъ возможность объяснить нѣкоторыя детали былинныхъ текстовъ и составимъ себѣ болѣе отчетливое понятіе о процессѣ самого сложенія былинь, такъ какъ намъ уже давно стало ясно, послѣ наблюденій Гильфердинга, что сказитель былины является *до нѣкоторой степени* каждый разъ ея слагателемъ. Пока же ограничимся только тѣмъ выводомъ, что Повѣсть о Василии Златовласомъ, хотя доселѣ извѣстная по одной рукописи, несомнѣнно ходила (быть можетъ ходить еще доселѣ) по рукамъ сказителей Архангельской и Олонецкой губерніи и отразилась на нѣкоторыхъ пересказахъ былинь о сватовствѣ или увозѣ невѣсть.

Возвращаясь къ былинѣ о С. Б., замѣтимъ, что изслѣдованіе историко-литературной ея стороны не противорѣчитъ нашему предположенію о ея сѣверномъ (новгородскомъ) происхожденіи, а напротивъ скорѣе подтверждаетъ его. Если въ основѣ ея лежитъ тотъ же западный

прототипъ, который въ болѣе подробной обработкѣ находимъ въ переводной или передѣланной повѣсти о Василии королевичѣ Златовласомъ, то по пути съ Запада этотъ прототипъ былины вѣроятно не миновалъ того района Руси, который состоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Западной Европѣ. При обработкѣ этого сюжета въ былинѣ эпическіе, изстари установленные мотивы того края, гдѣ эта обработка совершилась, должны были наложить на нее свою печать. Такова выработавшаяся, конечно, въ новгородской эпикѣ картина чудснаго корабля, пригодившаяся слагателю былины, такъ какъ въ сюжетѣ дѣло шло о морскомъ путешествіи за невѣстой. Пригодился, хотя бы только для обстановки, и другой эпическій образъ новгородскаго творчества. Это — обликъ матери Соловья Будимировича, той матерой вдовы, того типа властной, самостоятельной и уважаемой женщины, который, какъ я старался показать въ другой работѣ, возникъ на новгородской почвѣ, какъ

эпическій отголосокъ новгородской культуры, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ верхнихъ классовъ, правами и вліянсемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ. Вглядимся въ фигуру матери Соловья: она надѣлена тѣми же чертами, какія характеризуютъ матерей новгородскихъ героев — Василя Буслаева, Хотѣна Блудовича¹⁾ и Добрыни Никитича. Въ одномъ пересказѣ (Кирши Данилова) она раздѣляетъ съ ними тоже имя — *Амельфы Тимофеевны*. Сынъ относится къ матери съ тою любовью и почтеніемъ, какъ буйный Васька Буслаевъ или вежливый Добрыня Никитичъ. Мать сопровождаетъ любимаго сына на корабль, она сидитъ въ роскошно устроенной рубкѣ и дорогой сынъ

Игралъ въ гусельшки яровчаты,
Спотѣшалъ свою родитель
матушку¹⁾.

По пріѣздѣ въ Кіевъ Соловей строитъ для матери роскошный особый теремъ, чтобы его веселая дружина не беспокоила ее. Въ

этомъ теремѣ изъ уваженія къ матери-вдовѣ шепоткомъ говорятъ, ибо тамъ

«Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливать за сына за любимаго,
За младаго сына Гудимирова»¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ мать Соловья не носитъ имени; въ трехъ²⁾ — она называется Ульяной Васильевной или Григорьевной, въ одномъ — сибирскомъ — Амельфой Тимофеевной. Совпаденіе трехъ пересказовъ въ имени Ульяны указываетъ на его прочность по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ районѣ (Толвуй, Пудога, Кижы) и нуждается въ объясненіи, такъ какъ имя Ульяны далеко не такое распространенное, какъ Марья, Авдотья, Анна и друг. Въ видѣ догадки могу предположить слѣдующее. Если мы припомнимъ, что въ изображеніи матери Соловья особенно подчеркнута ея благочестіе (она постоянно молится за сына), то, быть можетъ, выборъ имени для этой благочестивой матери объясняется извѣстностью въ народѣ имени Ульяны (Ульяніи) Муромской, этой идеальной

жены и матери, пользовавшейся и при жизни, и по смерти высокимъ почетомъ на Руси за подвиги благочестія и беззавѣтной любви къ ближнимъ. Житіе Ульяніи, какъ извѣстно, подробно изложено въ книжной *Повѣсти* о ней, нерѣдко встрѣчающейся въ рукописяхъ. Ходила молва о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ ея гроба. Если мы вспомнимъ, что Ульяніа скончалась въ 1604 году, то получаемъ приблизительную хронологическую дату для внесенія ея имени въ текстъ нѣкоторыхъ пересказовъ: вѣроятно популярность Ульяніи, возросшая особенно послѣ ея смерти подсказала сказителямъ имя для благочестивой и любящей матери Соловья Будимировича. Болѣе раннимъ ея именемъ, быть можетъ, было общее эпическое имя Амелфы Тимофеевны, ушедшее въ Сибирь въ былинѣ, попавшей въ XVIII вѣкѣ въ сборникъ Кирши Данилова.

Вводя въ былинѣ эпическую мать-вдову, слагатель по крайней мѣрѣ дошедшей до насъ редакціи былины не

сумѣлъ дать ей какую-нибудь роль въ разказываемомъ событіи.

Во всѣхъ олонецкихъ былинахъ мать Соловья только молится въ своемъ теремѣ и не принимаетъ никакого участія въ сватовствѣ сына. Только въ одномъ пересказѣ¹⁾ упоминается, что

«Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгинѣ ко
Опраксины,
Подаетъ тую камочку узорчатую».

Другіе пересказы не придаютъ матери никакой активной роли, такъ что является вопросъ, для чего вообще она была введена. На этотъ вопросъ, какъ на многіе другіе, дошедшія до насъ былины не даютъ возможность отвѣтить положительно. Имѣемъ ли мы здѣсь примѣръ утраты части содержанія или примѣръ непродуманности плана? Сибирская былина (Кирши Данилова) одна умѣетъ мотивировать присутствіе матери: она взята, очевидно, чтобы дать сыну совѣтъ относительно невѣсты, и когда она проведала о слишкомъ

поспѣшномъ обмѣнѣ перстнями Соловья съ Запавой, то властно вступилась и свадьбу посрочила:

«Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгнешься,
Тогда и на Запавѣ женишься».

Однако, мы не можемъ быть увѣрены, что сибирская записъ прошлаго вѣка сохранила намъ былину именно въ ея древнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Отъѣздъ Соловья за море по желанію матери, увѣреніе князя Владимира коварнымъ Давидомъ *Поповымъ* въ несчастіи, постигшемъ жениха его племянницы, готовящаяся свадьба Запавы съ Давидомъ *Поповымъ*, возвращеніе Соловья, его переодѣванье и узнаванье невѣстой, насмѣшка надъ неудачей Попова («Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать!») — все это такъ близко совпадаетъ съ разказомъ о предупрежденномъ выходѣ замужъ жены отсутствующаго Добрыни за Алешу Поповича, что естественно является предположеніе, не прикрѣпилъ ли сибирскій сказитель это окончаніе, пользуясь готовымъ образцомъ, просто изъ желанія

распространить былинѹ, которая справедливо представлялась ему слишкомъ бѣдной дѣйствиємъ.

Резюмируя предложенныя выше замѣчанія, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Былина о Соловьѣ Будимировичѣ — одна изъ новелль новгородской эпикѣ, представляетъ переработку какого-то сказочнаго сюжета о свадебной поѣздкѣ въ былинѹ кіевскаго цикла. На личностяхъ героя и его матери отразились черты новгородскихъ эпическихъ типовъ (Садка, Амелѣфы), планъ былины особенно близокъ къ былинѣ о Садкѣ, описаніе корабля взято изъ пѣсеннаго запаса, какъ передвижная эпическая картинка. Время созданія приблизительно XV и XVI вѣка, хотя имя Соловьѣ Будимировича, быть можетъ, старинное эпическое. Наконецъ присутствіе прелюдіи (прибаутки) указываетъ на “веселыхъ людей”, старинныхъ скомороховъ, какъ на ея исполнителей и, быть можетъ, слагателей, отъ которыхъ, съ паденіємъ скоморошества

былина перешла къ олонецкимъ
сказителямъ.

Всеv. Миллеръ.

ⁱ II, стр. 327-336.

¹ *Гильфердингъ*, № 53 = *Рыбниковъ*, I, 54.

ⁱⁱ *Гильфердингъ*, № 68 = *Рыбниковъ*, III, 32.

ⁱⁱⁱ *Рыбниковъ*, III, 32.

^{iv} *Гильфердингъ*, № 68, столб. 371.

¹ Однако русский человекъ, неспособный выдержать слишкомъ возвышеннаго тона, и здѣсь не удержался. Нашелся шутникъ, который спародировалъ эти стихи такъ :

Высота-ли высота потолочная,
Глубота, глубота подпольная,
А и широко раздолье — передъ печью шестокъ,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синее море — въ лохани вода.

Таково начало находившейся въ рукописи Кириши Данилова, но не напечатанной Калайдовичемъ, неприличной пѣсни Агаѳонушка. — См. 3-е издание Кириши Данилова, стр. XIX, примѣч. 17.

¹ *Рыбниковъ* . I, № 53, стр. 318-319.

² См. напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 146, *Рыбниковъ*, III, № 42, I, № 61 и 63.

³ См. Былины старой и новой записи II, №№ 16, 17 и приложение стр. 276.

Сходное описание корабля см. въ *свадебной* пѣснѣ Архангельской губерніи въ сборникѣ *Ѡ. М. Истомина*. «Пѣсни русского народа. С.-Пб. 1894, стр. 131—132. Сравни также пѣсню въ «Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи» собранныхъ *Л. С. Ефименкомъ*. Часть II, стр. 112.

¹

² *Рыбниковъ*, III, № 41, стр. 242.

³ *Рыбниковъ*, II, 31.

¹ *Рыбниковъ*, II 31, стр. 190; *Гильфердингъ*, № 199 столб. 953.

² *Кириша Даниловъ*, № I.

³ *Гильфердингъ*, № 68, столб. 368. *Рыбниковъ*, III 32.

¹ *Рыбниковъ*, I 53; срав. *Рыбниковъ*, IV № 11 стр. 59; III № 33 стр. 196;

Гильфердингъ, № 68.

² *Рыбниковъ*, IV № 11.

³ *Гильфердингъ*, № 208.

¹ *Гильфердингъ*, № 53; *Рыбниковъ*, I 54.

² *Рыбниковъ*, II 31.

³ *Рыбниковъ*, I 53.

⁴ *Кириша Даниловъ*, № I.

^v *Гильфердингъ*, № 68; *Рыбниковъ*, III 33.

^{vi} *Гильфердингъ*, №№ 36 и 199.

^{vii} *Гильфердингъ*, № 199.

¹ Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Марко, II, стр. 317.

¹ См. Словарь *В. С. Кардажича*, s. v.

² Южно-русскія былины, II, стр. 77.

³ Тамъ -же, I, стр. 67.

¹ Южно-русскія былины, стр. 78.

² Великорусскія былины Кіевского цикла, стр. 148.

³ Въ свадебной пѣснѣ изъ Архангельской губерніи, записанной **В. М. Истоминымъ**, женихъ, уподобляемый Соловью, обѣщаетъ построить невѣстѣ въ саду сѣни новыя. См. Пѣсни русскаго народа, 1894, стр. 97 и слѣд.

⁴ Названное сочиненіе, стр. 160.

⁵ Южно-славянскія сказанія о Краевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса, II, стр. 327.

¹ Наз. соч. стр. 334.

² Тамъ -же, стр. 335.

¹ Великор. былины Кіевского цикла, 166.

² До сихъ поръ *Повѣсть* издана по одному лишь списку XVIII вѣка изъ бывшаго древнехранилища Погодина. См. Предисловіе къ изданію ея И. Шляпкина, «Памятники древней письменности». С.-Пб. 1882. Разборъ ея содержанія, но безъ указанія на сходство ея съ былиной о Соловьѣ Будимировичѣ, принадлежитъ академику А. Н. Веселовскому (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 62).

¹ См. Былины стар. и нов. записи, II, № 67.

¹ Посоль по другимъ вариантамъ называется: Ивашка поверенный (Был. ст. и нов. зап., № 66.

² I, № 31.

¹ См. мою замѣтку къ былинѣ о Хотинѣ Блудовичѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ . 1895.

¹ *Гильфердингъ*, № 36. Стр. 173.

¹ *Гильфердингъ*. Столбецъ 370; ср. столбцы 287, 954, 978. *Рыбниковъ*. II, стр. 191, III, стр. 192.

² *Рыбниковъ*. I, 53; II, 31. *Гильфердингъ*, № 36.

¹ *Рыбниковъ* . III, стр. 189.